

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАВАРКИНА

кандидат филологических наук, ведущий редактор Издательства ПетрГУ, научный сотрудник кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

mnikulina@mail.ru

УТОПИЯ И МИФ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»*

Рассматривается взаимодействие утопии и мифа в повести А. Платонова «Джан». Утопия и миф пересекаются в повести как в московском, так и азиатском хронотопах. Мир прошлого, связанный с историей народа джан и укорененный в мифе, сопрягается с утопическим настоящим главного героя, которое, в свою очередь, подпитывается неомифологическим сознанием новой социалистической эпохи. Зоной взаимодействия утопии и мифа становится, прежде всего, мифологизированное сознание персонажей. Оно проявляется на уровне двух взаимосвязанных тем в творчестве писателя: памяти и смерти. Другая зона взаимодействия утопии и мифа – зороастрейский миф, положенный в основу философского подтекста произведения. Этот миф имеет решающее значение для раскрытия главной темы повести «Джан» – темы свободы воли. В статье проанализированы две редакции повести и сделан вывод, что метаутопическая двойственность в решении темы свободы воли, возможно, является сознательной установкой писателя.

Ключевые слова: А. Платонов, повесть «Джан», миф, мифологическое сознание, утопия, метаутопия

Повесть А. Платонова «Джан» (1934–1935) наряду с другими повестями 1930-х годов посвящена теме строительства социализма, но писатель работал над ней в ином историческом контексте. На XVII съезде ВКП(б) (1934) обсуждался план второй по счету пятилетки и была поставлена задача развития союзных республик. В 1934–1935 годах А. Платонов совершает две поездки в Туркмению: работает вместе с другими писателями над «коллективной книгой» о советском востоке¹. В заявке на участие А. Платонов так обозначил тему своей второй поездки: «Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины <...> в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой» [1: 400]. Итогом поездок стали статьи «О первой социалистической трагедии» и «Образ будущего человека», очерк «Горячая Арктика», киносценарий «Карагез», рассказ «Такыр» и повесть «Джан»². К этому времени Е. И. Колесникова относит также создание большей части фрагментов незаконченного романа «Македонский офицер» [9: 69–70].

Азия произвела на А. Платонова двойственное впечатление: с одной стороны, она «глиняная, бедная и пустая» [16: 357], с другой – «велика и интересна» [16: 364]. Туркмения становится для писателя источником мифологических и сказочных сюжетов. В одном из писем к жене он признавался, что собрал богатый фольклорный и мифологический материал, так же как «когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи» [16: 364].

В заявке на участие А. Платонов определял жанр будущего произведения как повесть, одна-

ко исследователей больше интересует «вторая природа» жанра, и они предлагают несколько определений, порой взаимоисключающих друг друга: миф, легенда, мистерия, притча, утопия, антиутопия, метаутопия и др. В советское время вопрос о смешении утопии и мифа в повести рассматривался в свете «движения» А. Платонова от мифологического сознания к социалистическому [18: 33]. В современной исследовательской литературе этот вопрос поднимается в контексте спора об утопической/антиутопической направленности повести «Джан» [4].

Э. Я. Баталов развел «утопию» и «миф»³ как «продукты» индивидуального и коллективного сознания [2: 81–82]. Итальянский исследователь А. Петручани корректирует эту точку зрения: по его мнению, миф с конца античности становится методологической основой утопии, важным элементом утопического мышления [14]. В связи с этим стали появляться исследования по мифологической образности литературной утопии [5].

Утопия и миф в повести «Джан» постоянно пересекаются независимо от того, в каком хронотопе они существуют: московском или азиатском. Утопическая идея Чагатаева, направленная в будущее, – сделать «счастье среди одной земли» [17: 132], с одной стороны, «проверяется» на истинность в стране «мифологического прошлого» – на его родине, с другой – постоянно подпитывается новым мифологическим сознанием социалистической эпохи.

Путь Чагатаева можно трактовать двояко: в социально-утопическом контексте – как путь героя на родину, чтобы построить социализм;

в мифологическом – как символический путь во имя спасения народа. Если условно разделить повесть на три части (в первой – события происходят в Москве, во второй – в Средней Азии, в третьей – снова в Москве), то кульмиационной сценой в совмещении двух планов – утопии и мифа – можно считать сцену разговора Чагатаева с секретарем ЦК партии. Назар перестает быть только уполномоченным партии, он обретает черты мифологического героя, цель которого – построить рай на родной земле:

«– Я поеду <...> Что мне там делать? Социализм?

– Чего же больше! – произнес секретарь. – В аду твой народ уже был, пусть поживет в раю...» [17: 131].

В греческой мифологии герой – это полубог, рожденный от земной женщины и бога, «психологически он связан с архетипом Отца» [15: 78]. В советской литературе с образом мудрого отца прежде всего ассоциировался Сталин, при этом сам он «не участвует в действии <...>. На ход дела влияют его метонимические субституты, прежде всего его слово, образ и взгляд» [6: 756]. В повести «Джан» метонимическим выражением Сталина становятся его портреты, на которых он «походил на старика, на доброго отца всех безродных людей на земле» [17: 128]. С архетипом отца был связан и сталинский миф о «великой семье». Как пишет Е. А. Яблоков, «семейно-политическая образность стала функционировать» в творчестве А. Платонова уже с середины 1920-х годов: Платонов, «придавая образу вождя патерниальные черты <...> в характерном стиле “реализует” идеологические штампы» [25: 520, 522]. Главная цель Назара – ввести народ джан в большую советскую семью, поэтому в описаниях народа подчеркивается детское начало: А. Платонов рисует образ «народа-ребенка». Например, мать Назара была «легкой, воздушной, как маленькая девочка» [17: 146], старикам из народа джан «нужно начинать жить сначала, подобно ребенку» [17: 146], учиться заново элементарным вещам.

Образ народа джан и в целом тема народа, народной судьбы сближает повесть А. Платонова с эпосом, эпической традицией. Но «абсолютное прошлое» в повести «Джан» «оживает», а «абсолютная эпическая дистанция» исчезает. Мир прошлого, связанный с историей народа джан и покоящийся на мифе, сопрягается в повести с утическим настоящим главного героя. Зоной взаимодействия утопии и мифа, в первую очередь, становится мифологизированное сознание персонажей. Оно проявляется на уровне двух взаимосвязанных тем в творчестве писателя: памяти и смерти.

В повести различаются три «вида» памяти:

- 1) память о себе в других (например, Чагатаев мечтает быть отцом Ксени и «вечной памятью в ее душе» [17: 125], а когда в детстве его забывает мать, он чувствует себя несуществующим: «Назар в недоумении попробовал свои ноги и тело: есть ли он на свете, раз его никто

теперь не помнит и не любит» [17: 121]);

- 2) память о других (Назар постоянно вспоминает мать, Веру, Ксению);
- 3) память о себе самом (народ джан, например, ее утратил, а, по мнению Назара, «позабыв или не заметив, что живешь», можно умереть [17: 146]).

Память о себе народ джан подменяет памятью о своих вещах, имущество связывает человека с жизнью. Так, мать Чагатаева заботится о том, чтобы «цело было ее хозяйское добро, потому что кроме него у нее не было связи с жизнью и прочими людьми» [17: 153], она носит все свои вещи с собой, отчего ее кофта кажется раздутоей [17: 165]. Отсутствие вещи, принадлежащей человеку, может означать, что человека не существует: «Чагатаев <...> с сожалением поглядел во внутреннюю тьму своего шкафа; скоро он забудет его, и запах одежды и тела Чагатаева навсегда исчезнет из этого деревянного ящика» [17: 114]. Сакральное отношение к вещи характерно не только для азиатских сцен, где подобный фетишизм исторически объясним⁴, но и для московских, вполне «реалистичных», сцен.

Роль имущества играет и человеческое тело. Так, Вера чувствует боль своего тела и приходит к выводу, что если «ей пришлось бы раздать свое тело до последнего остатка <...> и этот последний остаток мучился бы с тою же силой, как все тело вместе с одеждой, инвентарем и удобствами...» [17: 127]. На родине Чагатаев становится случайным свидетелем разговора мужа с женой: «При нашей бедности, кроме моего тела, какое у тебя добро?» [17: 152]. Отношение к телу как к последнему добру приводит к тому, что человек начинает относиться к другому как к субъекту, а к себе как к объекту. Например, Назар «любил ощущать другую жизнь и другое тело, ему казалось, что там есть что-то более таинственное и прекрасное, более существенное, чем в нем самом» [17: 196]. Или: «...ему жалко стало своего тела и своих костей – их собрала ему некогда мать из бедной своей плоти <...> Он почувствовал себя, как чужое добро...» [17: 190–191]. По мнению Н. Скакова, это символизирует желание героев выйти за пределы своего тела: «...в ходе скитаний тело осознается как коллективная ценность, но оно же растрачивается и претерпевает аномальные деформации и нагрузки. Впоследствии душа становится телом, а тело душой» [21: 227].

Еще один уровень взаимодействия утопии и мифа в повести – преломление утопической идеи Назара через зороастрыйский миф, положенный в основу философского подтекста произведения. С мифом об Ормузде (Ахура-Мазда) и Аримане (Ахриман), светлом и темном началах в зороастризме, Платонов мог познакомиться во время своего пребывания в Туркмении, а также через поэму «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси [3: 161].

Миф об Ормузде и Аримане рассказывает Чагатаеву старик Суфьян, как только герой

вступает на родную землю (глава 5). Во второй раз Чагатаев вспоминает о нем в главе 15, когда у него получается в первый раз добыть для народа еды и почти довести до «границы пустыни» [17: 195]. Как и в древнеперсидской легенде, Ормузд у Платонова – «чистый бог счастья», «защитник земледелия», «любитель тишины в Иране», а Ариман – покровитель кочевников, жителей «черных мест Турана» [17: 137]⁵. Но отношение Платонова к Ариману, который олицетворял в зороастризме зло, ложь и являлся разрушителем человеческого сознания, не так однозначно: «Может быть, одного из старых жителей Сары-Камыша звали Ариманом <...> и этот бедняк пришел от печали в ярость. Он был не самый злой, но самый несчастный, и всю свою жизнь стучался через горы в Иран, в рай Ормузда, желая есть и наслаждаться, пока не склонился плачущим лицом на бесплодную землю Сары-Камыша и не скончался» [17: 137–138]. Ариман становится писателем в один ряд с сиротами из народа джан, он такой же «усталый» бедняк, вынужденный терпеть несчастья, а Ормузд обрачиваются жестоким богачом. Таким образом, А. Платонов трактует азиатский миф с позиций мифа социалистического, так как согласно логике повествования восторжествовать должен Ариман, ведь он не по своей воле олицетворяет злое начало.

Зороастрейский миф имеет решающее значение для раскрытия главной темы всего произведения – темы свободы воли. Назар почти добился своей цели: вывел народ к плодородным землям, но герой вдруг начинает сомневаться: «Отчего он (Ариман. – М. З.) не сумел быть счастливым? Может, оттого, что для него судьба Ормузда и других жителей дальних, заросших садами стран была чужда и отвратительна, она не успокаивала и не влекла его сердце, – иначе он, терпеливый и деятельный, сумел бы сделать в Сары-Камыше то же самое, что было в Хорасане, или – завоевал бы Хорасан...» [17: 195].

Герой приходит к выводу, что царство Ормузда, ставшее для одних олицетворением благоустроенного рая земного (сада), для других может вовсе не быть идеалом, к которому надо стремиться. Именно поэтому народ джан не остается на плодородных землях, а расходится в разные стороны в поисках своего счастья и своей собственной судьбы. Попытка Назара ввести свой народ в мифологическом плане в царство Ормузда, а в социально-утопическом плане – в мир цивилизации, в большую советскую семью – не увенчалась успехом. Понимание счастья как физической сущности уже не устраивает главного героя, поэтому и дилемму всех антиутопий (начиная с поэмы «Великий инквизитор» Ф. Достоевского) – что важнее: «хлеб насущный» или свобода – платоновский герой решает для себя вполне «антиутопический»: «...самим людям виднее, как им лучше быть. Достаточно, что он помог им остаться живыми, и пусть они счастья

достигнут за горизонтом...» [17: 210]. На этом заканчивалась первая редакция повести. В таком виде повесть не приняли, и А. Платонов делает вставку на сорока шести страницах, которая разрывала 16-ю и последнюю главы [10: 236]. В архиве сохранились заметки писателя о втором варианте повести: «При чтении этой рукописи просьба иметь в виду следующее:

Автор делает другой вариант второй половины повести, а именно: народ джан достигает реально-возможного для современного человека состояния блаженства» [18: 33].

Во второй редакции Чагатаев собирает разбредшийся народ, который теперь живет в сытости и готов к размножению. Избрание Ханом старшей – свидетельство появления зачатков государственности. Кроме того, повесть могла спасти введенная тема Сталина как «отца народов», популярная в 1930-е годы [10: 236], о чем говорилось выше.

По мнению некоторых исследователей, введенная тема «отца народов» свидетельствует о ряде уступок А. Платонова тоталитаризму в середине 1930-х годов [7], [12]. На первый взгляд, во второй редакции А. Платонов, действительно, рисует утопический вариант социализма, при котором народу не придется выбирать между «хлебом насущным» и свободой. П.-А. Будин считает, что в целом понятие свободы в повести подвергается сомнению и противопоставляется счастью, что «утопия социалистическая, социалистический рай одновременно актуализируется и отрицается <...> что делает произведение уникальным с точки зрения жанра» [4: 151]. По мнению Н. Скакова, «неопределенность концовки является частью художественной судьбы повести – это документ эпохи, отражающий ее противоречия» [21: 216]. Е. Е. Рогова считает, что двойственный финал строится на парадоксе, который является следствием «сознательно используемой Платоновым амбивалентной позиции» [19: 44, 36]. Р. Чандлер, анализируя две редакции повести, приходит к выводу, что «в первоначальном варианте повесть воспринимается более скжато и целостно, но одновременно и более абстрактно. В расширенном варианте «Джан» теряет нечто от неизбежности мифа, но приобретает широту романа» [24: 53].

Сложно сказать, является ли метаутопическая двойственность в решении темы свободы воли в повести «Джан» результатом вынужденной авторской правки или это сознательная традиционная установка писателя на неоднозначность и двойственность смысла. «Центр сюжета повести (как жанра вообще. – М. З.), – пишет Н. Д. Тамарченко, – испытание героя <...> Но в этом жанре оно связано с необходимостью выбора (судьбы, позиций) и, следовательно, с неизбежностью этической оценки автором и читателем решения героя» [22: 87]. Традиционной чертой поэтики А. Платонова становится, наоборот, сложность в определении «этической оценки

автора», вследствие чего вся ответственность возлагается на читателя.

В обеих редакциях повести финал остался неизменным, а потому он несет особую смысловую нагрузку. Чагатаев уходил «просвещать-спасать» народ джан социализмом, а вернулся в Москву с кротким сознанием вечного ученичества человека в жизни, героем «сердечного знания». Путь-возвращение героя можно рассматривать и как поиск матери-души, и как поиск родства с миром, и как поиск себя. Циклический сюжет, усиленный в повести мифом, указывает на внутренний подтекст «возвращения» как «возрождения» героя к новой жизни, в которой идея поверяется любовью. Финальную фразу повести А. Платонов правил трижды, искал необходимую формулу для выражения сущности обновления главного героя: «Чагатаеву всегда казалось, что помочь к нему придет лишь от другого человека»; «Чагатаеву показалось сейчас, что помочь к нему придет лишь от другого человека»; «Чага-

таев *убедился* теперь, что помочь к нему придет лишь от другого человека» [10: 235]. В первом варианте отсутствует мотив «прозрения» и рисуется образ «равного самому себе», «готового» героя. Во втором варианте перемена в герое подается как временное, иллюзорное событие. В окончательной редакции дана динамика становления героя, рождения его в новом качестве и, что немаловажно, убежденность самого героя в значимости и необходимости этой перемены.

Повесть «Джан» аккумулирует в себе искания А. Платонова и завершает цикл повестей 1930-х годов. Художественный диалог утопии и мифа определяет сложную жанровую структуру произведения. Назар Чагатаев в finale повести приходит к идеи «меры» – идеи разумного соединения ума и чувства, души и тела, истины и счастья, идеи и жизни. Таким образом, государственная утопия, прошедшая через испытание мифом, корректируется в повести «личной» утопией главного героя.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о поездках см.: [10: 217–246], [20].

² Повесть «Джан» была опубликована в 1964 году в журнале «Простор» (№ 9), но в усеченном виде. Подробнее о цензурной правке повести см.: [11: 125–129].

³ Среди определений мифа можно назвать следующие: миф как жанр (Н. Фрай), как цельная система «первобытной духовной культуры» (С. Аверинцев), как первобытная «идеология» (А. Ф. Лосев), как «хранилище человеческого опыта» (К. Юнг). Есть и негативные трактовки, например, мифом называет «фашистскую доктрину» А. Гулыга (подробнее см. [8]). Е. М. Неселов предлагает различать: а) древний миф (миф в собственном значении); б) новый миф (бытование мифа в новое время); в) переносное значение слова «миф» как «выдумка», «чепуха»; г) миф как иллюзия [13: 13–14].

⁴ О существовавшей в архаическую эпоху традиции хоронить умерших с их имуществом, то есть «со всем их прошлым бытием», писал К. Хюбнер [23: 212].

⁵ Противопоставление Ирана и Турана в социально-экономическом плане как противостояние оседлого образа жизни и кочевого, а в метафизическом – как добра и зла – было широко освещено в персидской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив А. П. Платонова. Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.
2. Баталов Э. Я. В мире утопий: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
3. Бороздина П. А. Зороастрская легенда в повести А. Платонова «Джан» // Андрей Платонов: исследования и материалы: Сб. трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С. 161–167.
4. Будин П.-А. Библейское, мифическое, утопическое: анализ повести Платонова «Джан» // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Кн. 4. СПб.: Наука, 2008. С. 149–156.
5. Гончаров С. А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор: вопросы поэтики: Межвуз. сб. науч. трудов. Волгоград: ВГПИ, 1990. С. 39–48.
6. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743–784.
7. Зейфрид Т. Смрадные радости марксизма: заметки о Платонове и Батае // Новое литературное обозрение. 1998. № 32 (4). С. 48–59.
8. Козлов А. С. Миф // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. Стлб. 559–561.
9. Колесникова Е. И. Малая проза Андрея Платонова: художественные константы. Принципы публикаций. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2012. 496 с.
10. Корниенко Н. В. История текста и биография Платонова // Здесь и теперь. 1993. № 1.
11. Корниенко Н. Наследие А. Платонова – испытание для филологической науки // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4: Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 117–137.
12. Найман Э. «Из истины не существует выхода». А. Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 233–250.
13. Нёйлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 200 с.
14. Петрученко А. Вымысел и поучение: утопия как литературный жанр // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 98–112.
15. Пивоев В. М. Философия надежды, или Мифология. Петропавловск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 108 с.
16. Платонов А. «...я прожил жизнь»: письма 1920–1950 гг. М.: Астrelль, 2013. 685 с.
17. Платонов А. П. Счастливая Москва: роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2011. 624 с.
18. Полтавцева Н. Г. Критика мифологического сознания в творчестве Андрея Платонова. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 36 с.
19. Рогова Е. Е. Творчество А. Платонова 1930-х годов: духовно-нравственное состояние общества и искания писателя. Воронеж: ВГПУ, 2006. 144 с.
20. Роженцева Е. Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив А. П. Платонова. Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 398–407.

21. Саков Н. Пространства «Джана» Андрея Платонова // Новое литературное обозрение. 2011. № 107 (1). С. 211–230.
22. Теория литературных жанров: Учебное пособие. М.: Академия, 2012. 256 с.
23. Хубнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
24. Чандлер Р. Платонов и Средняя Азия // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5: Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 47–55.
25. Яблоков Е. А. Хор солистов: проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 776 с.

Zavarkina M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

UTOPIA AND MYTH IN A. PLATONOV'S SHORT NOVEL "DZHAN"

The article is concerned with the problem of interaction between such phenomena of A. Platonov's short novel "Dzhan" as the myth and utopia. The myth and utopia of the studied short novel intersect both in Moscow and Asian chronotope. The world of the past, based on the myth and associated with the history of the people of Dzhan, conjugates with utopian reality of the story's protagonist. This reality is fueled by the neo-mythological consciousness of the new socialist era. Mythologized consciousness of the characters turns into the zone of interaction between the myth and utopia. In the works of the writer this phenomenon is manifested at the level of two interrelated themes: memory and death. Zoroastrian myth becomes another area of interaction between the myth and utopia. The myth underlies the philosophical subtext of the story "Dzhan". The myth is crucial to the disclosure of the main theme of the story "Dzhan" – the theme of free will. The article analyzes two versions of the short novel. We came to a conclusion that the meta-utopian ambivalence of the solution of the theme of the free will is, perhaps, a conscientious directive of the writer.

Key words: A. Platonov, "Dzhan", myth, mythological consciousness, utopia, meta-utopia

REFERENCES

1. *Arkhiv A. P. Platonova. Kniga 1* [Archive of A. P. Platonov. Book 1]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. 696 p.
2. Баталов Е. Я. *V mire utopiy: pyat' dialogov ob utopii, utopicheskem soznanii i utopicheskikh eksperimentakh* [In the world of utopia: five dialogues about utopia, utopian consciousness and utopian experiments]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 319 p.
3. Бородина П. А. Zoroastrian legend in Platonov's short novel "Dzhan" [Zoroastrian legend in the short novel "Dzhan"] // *Andrey Platonov: issledovaniya i materialy: Sb. trudov*. Voronezh, VGU Publ., 1993. F. 161–167.
4. Будин П. - А. Biblical, mythical, utopian: analysis of Platonov's short novel "Dzhan" [Bibleyskoe, mificheskoe, utopicheskoe: analiz povesti Platonova "Dzhan"]. *Tvorchestvo Andreya Platonova: issledovaniya i materialy. Kniga 4*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. P. 149–156.
5. Гончаров С. А. Mythological imagery of literary utopia [Mifologicheskaya obraznost' literaturnoy utopii]. *Literatura i fol'klor: voprosy poetiki: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* Volgograd, VGPI Publ., 1990. P. 39–48.
6. Гюнтер К. h. Archetypes of the Soviet culture [Arkhetipy sovetskoy kul'tury]. *Sotsrealisticheskiy kanon*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000. P. 743–784.
7. Зефрид Т. Fetid pleasures of Marxism: notes about Platonov and Batai [Smradnye radosti marksizma: zametki o Platonove i Batae]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. № 32 (4). P. 48–59.
8. Козлов А. С. The Myth [Mif]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moscow, Intervak Publ., 2001. Colm. 559–561.
9. Колесникова Е. И. *Malaya proza Andreya Platonova: khudozhestvennye konstanty* [Small prose of Andrey Platonov: the artistic constants]. St. Petersburg, FGBOU VPO "SPGUTD" Publ., 2012. 496 p.
10. Корниенко Н. В. History of the text and the biography of A. Platonov [Istoriya teksta i biografiya A. Platonova]. *Zdes' i teper'*. 1993. № 1.
11. Корниенко Н. The Legacy of A. Platonov – the test of philological Sciences [Nasledie A. Platonova – ispytanie dlya filologicheskoy nauki]. *"Strana filosofov" Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2000. Issue 4. P. 117–137.
12. Наяман Е. "There is no exit from the truth". A. Platonov between the two utopias [“Iz istiny ne sushchestvuet vykhoda”. A. Platonov mezhdu dvukh utopiy]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994. № 9. P. 233–250.
13. Нелов Е. М. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [Magical-fabulous the roots of science fiction]. Leningrad, LGU Publ., 1986. 200 p.
14. Петрушчани А. Fiction and teaching: utopia as a literary genre [Vymysel i pouchenie: utopiya kak literaturnyy zhanr]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: Antologiya zarubezhnoy literatury*. Moscow, Progress Publ., 1991. P. 98–112.
15. Пивов В. М. *Filosofiya nadezhdy, ili Mifologiya* [The philosophy of hope or mythology]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2011. 108 p.
16. Платонов А. «...ya prozhil zhizn'»: pis'ma 1920–1950 gg. [“...I've lived my life”: letters, 1920–1950]. Moscow, Astrel' Publ., 2013. 685 p.
17. Платонов А. П. *Shchastlivaya Moskva: roman, povest', rasskazy* [Happy Moscow: novel, short novel, stories]. Moscow, Vremya Publ., 2011. 624 p.
18. Полятцева Н. Г. *Kritika mifologicheskogo soznaniya v tvorchestve Andreya Platonova* [Criticism of mythological consciousness in the works of Andrei Platonov]. Rostov-na-Donu, Rostov State University Publ., 1977. 36 p.
19. Рогова Е. Е. *Tvorchestvo A. Platonova 1930-kh godov: dukhovno-nravstvennoe sostoyanie obshchestva i iskaniya pisatelya* [Andrei Platonov's prose of the 1930-ies: the spiritual and moral state of the society and pursuits of the writer]. Voronezh, VGU Publ., 2006. 144 p.
20. Рожентсева Е. Experience documenting of Turkmen travel of A. Platonov [Opyt dokumentirovaniya turkmeneskikh poezdok A. P. Platonova]. *Arkhiv A. P. Platonova. Kniga 1*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. P. 398–407.
21. Саков Н. Space of "Dzhan" by Andrei Platonov [Prostranstva "Dzhana" Andreya Platonova]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 107 (1). P. 211–230.
22. Теория литературных жанров: Учебное пособие [The theory of literary genres: A training manual]. Moscow, Academiya Publ., 2012. 256 p.
23. Хубнер К. *Istina mifa* [Truth of the myth]. Moscow, Respulika Publ., 1996. 448 p.
24. Чандлер Р. Платонов и Центральная Азия [Platonov i Srednyaya Aziya]. *"Strana filosofov" Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. Issue 5. P. 47–55.
25. Яблоков Е. А. *Khor solistov: problemy i geroi russkoy literatury pervoy poloviny XX veka* [Choir of soloists: challenges and heroes of the Russian literature of first half of XX century]. St. Petersburg, DMITRIY BULANIN Publ., 2014. 776 p.